

С 2002 г. журнал «Государственная служба» входит в перечень периодических научных и научно-технических изданий, в которых ВАК рекомендует публиковать основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы диссертационных исследований рецензируются экспертами РАГС.

Рекомендации авторам размещены на сайте РАГС www.rags.ru

Просим направлять материалы по электронному адресу: ***mgs@ur.rags.ru***

Социально-политические последствия миграционной мобильности

Али ДИМАЕВ – кандидат технических наук, докторант кафедры социологии РАГС

Масштабы, интенсивность и разнообразие форм мобильности мигрантов в современной России актуализируют изучение влияния миграции на содержание и характер социальных процессов в принимающем обществе. Речь идет о разработке – на основе глубокого и всестороннего анализа состояния и тенденций миграционной ситуации – прогнозных сценариев социальных структурных изменений, вызываемых миграционными процессами. Только следуя этой логике, можно принять социально-технологические решения по оптимизации нового социального состояния, в котором оказались практически все субъекты РФ.

Нынешняя волна глобализации, она же миграционная волна, связанная с очередной революцией в человеческой коммуникации (компьютерными технологиями) и, соответственно, переходом к информационному обществу, в очередной раз вызвала в мировом сообществе политическую, гражданскую дестабилизацию. Многие государства, в том числе Россия, испытывают социально-политическую неустойчивость по самому факту миграционной глобализации, которая так или иначе захватывает любую страну (за единичными исключениями), независимо от того, привлекательна она для мигрантов или нет. Например, в течение пяти лет, с 2002 по 2006 год, число британцев, видящих в исламе как религии и в своих мусульманских соотечественниках угрозу себе и своей стране, выросло в два раза и перевалило за половину – 56% [1].

Исследование миграции как процесса должно осуществляться системно, в контексте экономических и социально-политических преобразований в обществе. Отечественные ученые – Л. Рыбаковский, Т. Заславская, Ж. Зайончковская, В. Тишков и другие заложили фундаментальную основу изучения миграционных процессов, однако их социально-политические последствия исследованы пока недостаточно.

Бытует мнение, что одним из главных провокаторов политической напряженности в обществе служит ксенофобия определенной части населения. Однако в большей степени протестный потенциал формируется под влиянием не ксенофобии как таковой, а вполне объяснимой с точки зрения массовой психологии мигрантофобии, довольно широко распространенной среди жителей больших городов.

Мигрантофобия проявляется как в психологической подавленности части населения, так и в непредсказуемой агрессивной форме протеста. При определенных условиях она может привести к столкновениям на почве межнациональных разногласий и массовым акциям. Такие события произошли, например, в 2006 г. в городах Сальске (Ростовская область), Вольске (Саратовская область), Кондопоге (Республика Карелия), а также в 2007 г. в городах Ставрополе, Новоалександровске (Ставропольский край), Красноармейске (Саратовская область) и в д. Куйтеже (Республика Карелия, Олонецкий район). Они спровоцировали массовые акции протеста и резкий всплеск активности национальных общественных движений, выступавших в защиту прав русскоязычного населения и предъявлявших конкретные требования к власти и

правоохранительным органам. В 2007 г. практически во всех субъектах РФ росло недовольство местного населения усилением влияния представителей диаспор выходцев с Кавказа и диаспор-иммигрантов. Очаги острой межэтнической нетерпимости возникли в Ставропольском крае, г. Нерюнгри (Республика Бурятия), г. Ростове (Ярославская область), Владимирской, Курской, Омской и Тульской областях.

Мигранты – очень удобные кандидаты на образ врага, который можно сформировать в массовом сознании, и понятно, что интеллектуально примитивной власти заманчиво было бы использовать этот образ в целях «сплочения нации». Однако сегодня мигранты представляют настолько важный социально-экономический ресурс, общепризнанный во всем мире, что даже те, кто готов «сплачивать нацию» путем поиска «врагов», вынуждены от этого образа отказаться, поскольку в противном случае рассчитывать на помощь мигрантов в решении социально-экономических проблем страны не придется.

Между тем нельзя не признать того факта, что мигранты оживляют у принимающих этносов установку «свой – чужой», вызывая тем самым кризис идентичности политических (гражданских) наций. С одной стороны, это влечет за собой кризис либеральной государственной политики, заметно повышая общественный рейтинг правой, консервативной политики. С другой – в странах, где много мигрантов и где, следовательно, у коренного населения растет популярность правой, консервативной политики, политические элиты во многом зависят на выборах от мигрантов, а те требуют именно либеральной политики. Поэтому кризис последней противоречив. Повод к нему подали мигранты, но они же и не дадут умереть либеральной политике, вынуждая правительства искать иные технологии «сплочения нации», чем право-консервативные, которые, в сущности, направлены против иммиграции как таковой. Таким образом, кризис либеральной политики – это, скорее, ее переходное состояние в ответ на кризис идентичности политических (гражданских) наций, вызванный вхождением мирового социума в координаты «планеты мигрантов».

Западные социологи и политологи заговорили о «кризисе западного либерализма» в 1980-х годах, объясняя падение популярности либеральной политики (на Западе она идентична левой, социал-демократической политике) кризисом социал-демократических «государств благосостояния». На наш взгляд, рост популярности в эти годы право-консервативной политики связан с зарождением глобальной миграционной волны, вызванной формированием глобального информационного (постиндустриального) общества.

Советский Союз ответил на начавшуюся в 1980-х годах информационную и социально-экономическую, в том числе миграционную, глобализацию перестройкой. Своеобразие этого ответа состояло в осуществлении либеральной политики, в то время как в остальном развитом мире наблюдался переход к право-консервативной политике. Движение против магистрального процесса было вполне логичным, поскольку, чтобы включиться в мировое пространство рынка и демократии, советская социально-экономическая система требовала именно либерализации. И только получив «пропуск» в либеральное пространство, страна могла адекватно отреагировать на процессы глобализации, в том числе миграционной.

По мнению ряда авторов, благодаря тому, что Россия прошла, пусть и с большими издержками, либеральную фазу, она в конце 1990-х годов получила право на проведение консервативной правительственной политики. Объективная логика право-консервативного поворота связана, в том числе, с миграционным вызовом политическим (гражданским) нациям, перед которым оказалось мировое сообщество. Популярность право-консервативной политики временна – на период, пока не спадет вызванная миграционной волной острота кризиса идентичности политических (гражданских) наций. А такой спад неизбежен: отменить

«планету мигрантов» нельзя и рано или поздно «возмущенная» идентичность политических наций «успокоится» в новом социальном равновесии.

Некое подобие «право-консервативного» поворота российской государственной политики в России 2000-2007 гг., как считают эксперты, имеет смысл только в качестве «чрезвычайных мер», призванных решительно переломить ситуацию с теневой экономикой и коррупцией. Однако в будущем идентичность политической нации в России будет достигнута не через «этнокультурную идентификацию», а через эффективную, обязательно либеральную, миграционную политику, поскольку «планета мигрантов» – либеральная «планета». Россия уже сегодня испытывает социально-политический кризис идентичности политической нации, ведь миграционная ситуация в нашей стране производна от общемировой.

Любой диаспоре нужны гарантии ее социального, экономического и гражданского равноправия с представителями титульного этноса, и она никогда не будет голосовать за политиков право-консервативного толка с их подчеркнутым вниманием к защите интересов титульного этноса. Вспомним высказывание Маргарет Тэтчер: «Поскольку британский народ опасается, что его поглотят люди, принадлежащие к иной культуре, страна, в которой я возглавляю правительство, должна иметь в виду четкую перспективу прекращения приема иммигрантов» [2].

Ни одна диаспора не может принять подобное дискриминационное по отношению к иммигрантам политическое заявление. Диаспоры предпочитают в странах, в которых обосновались, либеральную, социал-демократическую политику и отвергают политику право-консервативного, а также право- и леворадикального толка. Отсюда следует вывод о маргинальном характере нынешнего всплеска популярности право-консервативной политики в некоторых развитых странах – эта тенденция не может быть доминирующей по той причине, что современный мир становится миром диаспор, где магистральная социально-политическая тенденция совершенно иная.

Весьма показательна российская социально-политическая тенденция 2000-2007 годов. В этот период в России произошло явственное оформление право-консервативной государственной политики. На наш взгляд, выбор данного вектора сделан исключительно по внутренним, чрезвычайным для страны обстоятельствам. Действительно, этот выбор может быть оправдан только как «чрезвычайный», поскольку он на годы выводит страну из доминирующего в мире социально-политического процесса, обусловленного формированием либеральной «планеты мигрантов».

Какие же «чрезвычайные внутренние обстоятельства» могут стоять за российским право-консервативным выбором? Собственно, они хорошо известны в изложении тех экспертов, кто в свое время справедливо указывал на системные изъяны российского правительственного «либерализма» 1990-х годов. Так, Дж. Стиглиц, бывший в те годы главным экономистом Всемирного банка, назвал взгляды авторов российской приватизации «заимствованными из примитивных учебников или представляющими наивную идеологию» [3].

Трудно спорить с тем, что российский правительственный «либерализм» 1990-х годов крайне плохо выполнил стоявшую перед Россией тех лет важнейшую задачу: ввести страну в мировую систему рыночных отношений нового типа – постиндустриального. В самом деле, если правы те, кто говорит, что в России была построена «феодальная экономика» [4], то страна действительно игнорировала постиндустриальный вектор мирового социально-экономического развития, заведомо выпадая из мировой магистрали. Это оценивается как «чрезвычайные внутренние обстоятельства», по которым надо было принимать решительные меры и которые привели к смене с 2000 г. государственной политики России с либеральной на право-консервативную.

Однако такая политика для страны, рассчитывающей на массовый приток мигран-

тов и намеревающейся провести амнистию нелегалов, не будет понята мигрантами, стремящимися к легальной жизни в чужой стране.

Следует подчеркнуть, что в Россию потянулись мигранты главным образом из бывшего СССР. В сущности, это «свои» мигранты, переместившиеся из одних частей бывшего Советского Союза в другую его часть. Тем не менее они, конечно, нарушили межэтническое равновесие, что и вызвало у титульного этноса реакцию, особенно заметную в местах скопления мигрантов, которую мы определили как «кризис идентичности политической нации». Он проявился в «бунте» массового сознания, усиленном общим социальным хаосом начала 1990-х годов, – обострении ксенофобии и других примет упрощенного, «черно-белого» восприятия мира. Сейчас этот кризис носит вялотекущий характер. Реальная встреча России с «планетой мигрантов» и связанные с ней проблемы и противоречия еще впереди.

Однако политика целенаправленного преодоления взаимного отчуждения России и «планеты мигрантов» нужна уже сегодня. И суть ее – именно либерализация, иначе вести диалог невозможно. Добровольные мигранты в подавляющем своем большинстве – предприимчивые и свободные люди, и они едва ли станут осаждать страну, в которой права гражданского общества, в том числе частного бизнеса, сильно урезаны, а власть меняет «правила игры» по своему усмотрению.

Руководство страны должно осознать, что мигранты в современном мире представляют важнейший социально-экономический ресурс; более того, отношения взаимного отчуждения коренного этноса и мигрантов нетерпимы по соображениям национальной безопасности. Сегодня страна, которая открыта и привлекательна для мигрантов, в большей степени адаптирована к «подвижной» мировой миграционной среде и находится в большей безопасности. Поэтому необходим переход к соответствующей миграционной политике – комплексной, трудной и терпеливой. Она уже не может быть просто одним из направлений государственной политики, но должна стать одним из приоритетов государственного управления. К этому подталкивает трансформация мирового социума в «планету мигрантов».

Литература

1. *Малкин В.* Другой народ // Ведомости. 2006. № 179 (25 сентября).
2. *Simon J.L.* The economic consequences of immigration. Oxford, 1989. P.11.
3. Newsweek special issue. 1999. December. P.58.
4. *Валентей С.Д.* Три вызова России // Федерализм. 2000. № 4. С.23.

Орловское дворянство на государственной службе

Марина ЛАВИЦКАЯ – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловской региональной академии государственной службы, докторант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

Государственная служба на протяжении XIX – начала XX вв. являлась основной социальной функцией и привилегией дворянского сословия, которое в отличие от других сословий имело право свободного волеизъявления при поступлении на службу государства.

Вопросы социальной и должностной инфраструктуры российского служилого дво-